

Jolakotturin

A black kitten with striking blue eyes is the central focus, sitting on a snowy surface. The kitten's fur is dark and appears slightly damp or matted. The background is a blurred night scene with warm, golden bokeh lights and cooler blue tones, suggesting a festive or winter setting. The overall mood is cozy and serene.

Ольга Небелицкая

Ольга Небелицкая

Jolakotturin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70601062

SelfPub; 2024

Аннотация

Викинг в Петербурге, исландская бабушка, маленький чёрный кот и Рождество – небольшая святочная история укрепит веру в чудеса и поднимет настроение.

Ольга Небелицкая

Jolakotturin

Ташке

Всё полетело в тартарары в сочельник.

Ещё с утра Даниэль в приподнятом настроении ездил по южным районам, предвкушая конец рабочего дня. Он остался невозмутимым, несмотря на питерские пробки, городскую предпраздничную суету и грязь, в которую обращался слетающий с небес белый пух. Снег явно ожидал для себя лучшей участи, чем стать коричневым месивом под ногами.

Даниэль то и дело гладил взглядом портфель, в котором лежал ноутбук с – только что! – законченным романом. Ещё недавно он не верил в то, что детские воспоминания об Исландии, бесхитростные рассказы о семье и природе будут кому-то интересны, но первые несколько страниц рукописи вызвали в издательстве настоящий ажиотаж.

Даниэль начал писать всего пару лет назад. Сначала из-под его пера выходили короткие зарисовки об исландском быте и нравах, но потом Алинка сказала: напиши о родине так, чтобы её узнали и полюбили во всём мире! Даниэль, наполовину викинг, наполовину русский, родился и вырос в Исландии, но позже решил переехать на родину матери – в Петербург. Так и жил с тех пор, на две страны. Летал к бабке по отцу, чтобы расспросить её не только о собствен-

ном детстве, но и о том, как росла она сама, Бьоргхильдюр, глыба на холодном океанском берегу. Какие легенды окружали её с рождения, какие первые слова она произнесла, как венчалась с мужем, как готовила slotur и пекла хлеб на вулканике, как вязала из толстых шерстяных нитей разноцветные свитера, напевая протяжные песни. Как пугала декабрьскими вечерами мелких, толпившихся у камина, рассказами о Jolakotturinn, кровожадном чудище с древних гор. По легенде кот спускался в деревни и пожирал младенцев в домах, где не успели запасти достаточно шерсти на обновки к Рождеству ... Мелкие прижимались к бабушкиным – огромным, как каменные столбы – ногам, а она трепала льняные вихры мощными ручищами и успокаивала: им-то нечего бояться. Вон, сколько шерсти заготовлено, сколько новых носков и варежек, сколько узорных лопапейс бабушка связала: всем хватит по обновке. И на подарки хватит, и в доме копчено пахнет hangikjot, и Рождество уже на пороге, сурово добавляла бабушка, и не бывать в нашем доме адскому коту с ревиворскими замашками.

Эх, бабушка... Даниэль успел провести с ней полгода, пока она болела. Записывал каждое слово. Бабушка даже смерть встретила с непоколебимой решимостью, сжимая руку Даниэля с неженской силищей до последнего мгновения. Бабушка была сама – остров, скала. И Даниэль привёз обратно, на вторую родину, почти законченный роман и стопку бабушкиных дневников – тетрадей, исписанных крупными

круглыми буквами. Он собирался завершить рассказ о стране скал, ветров и гейзеров.

Даниэль не расставался с портфелем, таскал его повсюду, в обеденный перерыв открывал ноутбук и прикинул к тексту как изголодавшийся по родниковой воде путник. Издатель ждал его для подписания договора, а в сочельник всё полетело в тартарары.

Сначала заглох служебный автомобиль.

Даниэль чертыхнулся: оставался последний договор, и не где-нибудь, а в Сиверской, – 70 километров по снежной каше. Недолго думая, прыгнул в метро, оттуда – в маршрутку и спустя полтора часа уже закончил дела. Зашёл в крошечное кафе, заказал кофе и понял, что портфеля при нём нет.

Как, где, в какой момент он его оставил?!

Не в служебной машине: Даниэль помнил, как, заходя в метро, перекладывал портфель из руки в руку, пока шарил по карманам в поисках проездного. Метро, точно! Официантка с изумлением смотрела на высокого мужчину с аккуратной рыжей бородой, который детским жестом уронил голову на руки и зарыдал. Других посетителей в кафе не было, официантка тихонько поставила кофе на стол и отошла.

Даниэль всхлипывал, потом вскакивал и беспорядочно размахивал руками, потом снова падал на стул, всем видом выражая совершенное отчаяние.

Метро. В алчной пятничной толпе, в кишках подземки, остался его первый и последний роман, его память, труд его

жизни, рассказы бабки, и что страшнее всего, дневники, которые, конечно, уже не вернуть и не воспроизвести.

– Hann for i jolakottinn, – прозвучал у Даниэля в ушах бабкин голос, – вот ты и надел на себя йольского кота, навлѣк проблемы.

Под столом раздался пронзительный писк.

Даниэль опешил и наклонился. На него смотрел абсолютно круглыми глазами, в которых, как и в глазах самого Даниэля, читалось отчаяние, чѣрный котѣнок. Каждая шерстинка стояла дыбом и словно искрилась электричеством, котѣнок напоминал меховой ком. Ком издавал столь громкие и жалобные звуки, что Даниэль на миг забыл о собственном горе и протянул к котѣнку руку.

– Осторожно, – официантка подошла ближе и присела на корточки, – видите, лапку подволакивает. Сегодня приполз, трясся и орал от боли: какая-то сволочь пнула ногой, ну, или случайно отдавили.

И правда, одна лапка у котѣнка беспомощно болталась, пока он доковылял до Даниэля и ткнулся холодным носом тому в широкую ладонь.

Вот же чѣрт, подумал Даниэль, вот тебе и рождественский вечер с женой – а Алинка уже ждѣт, наверное, и кексы распаковывает, и в доме дурманяще пахнет мясом, топленым воском, хвоей и ромом. Даниэль тоскливо посмотрел в окно. На фоне синеющего неба крупными хлопьями падал снег.

– Где тут ближайшая ветеринарка? – хрипло спросил офи-

циантку.

Следующие три часа пролетели как в дурном сне, который Даниэль не мог вообразить, когда с утра строил планы на вечер. Сначала он отнёс котёнка в клинику. Пришлось отсидеть очередь в компании овчарки и пекинеса, которые беспрестанно лаяли то друг на друга, то на Даниэля и чёрный меховой комочек у того на руках. Котёнок тарыхтел как трактор и порой заглушал тявканье и лай. Иногда сломанная лапка напоминала о себе, и котёнок кричал. Тогда даже обе собаки вздрагивали и с почти человеческим сочувствием замолкали.

Рентгеновский снимок показал, что лапка сломана в двух местах, и перелом нехорош. Нееехорошоош, сказал врач, растягивая слова, дальше нужен хирург-ортопед, но это уже в городе, здесь мы не поможем. Будете оперировать?

Даниэль растерялся и кивнул.

Они ехали в набитой маршрутке, и котёнок, которому в клинике сделали обезболивающий укол, уже не плакал, а только прижимался к груди Даниэля и тихо мурчал.

Им назначили на 21:00 – раньше никак. Даниэль предупредил Алинку, что сильно задержится. Алинка с сочувствием откликнулась на рассказ про сломанную лапу. Кекс и мясо подождут, сказала она, сегодня сочельник, и каждый кот должен быть спасён. Про портфель пока решил не говорить; его нутро вскидывалось всякий раз при мысли о потере, словно холодный гейзер боли и безнадёжности рвался на-

ружу. Но тёплый меховой ком на груди действовал как анестетик, и тело на время успокаивалось.

Когда он подошёл к клинике, снегопад закончился. Свежая белая пелена прикрыла городскую грязь, на дорожке не было следов.

Даниэль глубоко вдохнул и посмотрел на небо. Облака растянуло, холодно мигали звёзды. Бабушка, горько сказал про себя Даниэль, бабушка, прости, я не справился, и за мной пришёл твой кот.

Колокольчик на двери звякнул.

Даниэль осторожно достал задремавшего котёнка, положил его на скамью и стал раздеваться. Из приоткрывшейся двери кабинета выглянула молодая женщина, сама похожая на котёнка: нависшая над бровями чёлка всклокочена, чёрные короткие кудри торчали во все стороны, круглые глаза уставились на Даниэля и вдруг расширились ещё больше:

– Вы?!? Это вы? – Не успел Даниэль произнести хоть слово, она метнулась назад в кабинет, хлопнув дверью, и уже через мгновение снова стояла в коридоре, держа в руках портфель. Даниэль покачнулся. Его портфель! Рыжий, кожаный, слегка потёртый, но точно его, вот же наклейка с вулканом возле кармана.

– В метро, – тараторила женщина, а Даниэль только открывал и закрывал рот, словно звуки застряли глубоко внутри и не могут подняться на поверхность, – я видела, как вы вышли, не успела вас догнать, схватила портфель, но двери

захлопнулись, и я не знала, что дальше, я хотела догнать, потом хотела разыскать – честное слово! – после работы думала подать объявление. Простите, я заглянула, но там нет документов, только компьютер и тетрадки, – она перевела дух и с любопытством уставилась на рыжего бородатого мужчину, – это какой язык?

– Исландский, – Даниэль наконец протолкнул через горло ком слипшихся звуков. Это дневники моей бабушки.

– Ого! – восхитилась кудрявая, – вот это да!

– Вот это да, – повторил Даниэль.

Пронзительное мяуканье заставило их обоих вздрогнуть и обернуться. К ним ковылял чёрный котёнок, подволакивая лапку.

– Ну что, – деловито сказала врач, – приступим? Имя у клиента есть?

Даниэль посмотрел на котёнка.

– Я думаю, это девочка, – сказал он. Бьоргхильдюр. – Он засмеялся. – Можно просто Хильда.